

ДНИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕВОРОТА

26 октября в Новгороде было получено телеграфное сообщение о Великой Октябрьской социалистической революции. На следующий день собрался губисполком совместно с представителями воинских частей гарнизона. На этом бурном заседании мы, опираясь на поддержку представителей революционных полков, внесли предложение полностью признать совершившийся великий социалистический переворот и оказать Петроградскому Военно-революционному комитету активную и всестороннюю помощь и поддержку. Мы настаивали на немедленном осуществлении передачи всей власти на местах Советам. Меньшевики и эсеры выступили со злобными нападками, обвиняя нас в захвате власти методом бланкистского заговора. Они утверждали, что наши действия обрекают на гибель революцию. Они запугивали колеблющихся и неустойчивых депутатов возможностью победы контрреволюции.

За громкими, напыщенными фразами обанкротившихся соглашателей скрывалась неистощимая ненависть к большевикам и боязнь диктатуры рабочего класса. Наши враги были поглощены заботой сохранить во что бы то ни стало капиталистический строй.

После длительной словесной перепалки на собрании была принята непоследовательная половинчатая резолюция. В ее вводной части признавалось, что «бывшее Временное правительство и фактически и юридически не существует» и что «безвластие приведет к контрреволюции и гибели страны». Основываясь на этом, Новгородский исполнком вместе с представителями гарнизона принял постановление:

«1) Не желая междуусобной войны, признать временно власть Всероссийского съезда Советов и требовать от него немедленного создания коалиционного социалистического правительства и созыва Учредительного собрания в объявленный срок.

2) Вместе с тем требовать, чтобы все социалистические элементы объединились вокруг съезда, а также были введены полностью представители от крестьянских организаций.

3) Местная исполнительная власть, в силу создавшихся условий, принимается губисполкомом, который конструирует

ее соответственно местным условиям, не нарушая нормальной жизни в губернии.

4) Исполнительный комитет готов к борьбе с контрреволюцией и анархией и призывает сознательную демократию поддержать революционный порядок».

Эта резолюция была принята большинством, состоявшим из левых эсеров, социал-демократов-интернационалистов и беспартийных. Естественно, в таком виде она не могла нас удовлетворить своими нечеткими формулировками и неясным содержанием, ориентирующим на временный характер нашей власти и призывающим к коалиции. Но на том этапе начала ожесточенной борьбы она означала крупную победу, позволившую развернуть наступление за утверждение большевистской линии в Совете.

В эти дни мы в губкоме вели энергичную подготовительную работу в воинских частях, чтобы поддерживать боевой дух и ненависть к соглашателям. Наибольшим возбуждением был охвачен кавалергардский полк. На прошедшем заседании Совета его представители, видя нерешительность большинства, заявили, что в дальнейшем они будут действовать самостоятельно в интересах революции. В те замечательные дни этот полк явился основной нашей опорой в борьбе с контрреволюцией, помогал воздействовать на колеблющееся большинство исполкома.

Крайняя тревога за ход революционной борьбы в Питере вызвала у нас, естественно, желание быть в курсе событий и наладить получение информации. Местная почтовая контора крайне враждебно относилась к большевикам, и туда появиться мы не могли. Начальник конторы Овчинников, свой человек у комиссара Временного правительства А. Булатова, кроме того, поддерживал тесные дружеские отношения с председателем Совета П. Кобяковым. Вся эта компания была в сговоре. Они старательно прятали от народа и исполкома полученные по телеграфу важнейшие решения, принятые съездом о земле и о мире. Приходилось изыскивать обходные пути получения постоянной информации.

Я связался с местными железнодорожниками, часто посещая мастерские паровозного депо станции Новгород. Как-то на вокзале мне удалось завязать знакомство с одним молодым человеком, беспартийным телеграфистом, сочувственно относившимся к большевикам. Довольно скоро у нас установились приятельские отношения, и я почти ежедневно в те напряженные дни приходил к нему на службу. Однажды в холодную темную осеннюю ночь, после бурного заседания Совета, я узнал на железнодорожном телеграфе тревожную новость. В ярко освещенной комнате под треск работающих аппаратов Морзе, облокотившись на стул сидевшего за аппаратом приятеля, при напряженном внимании находившихся в комнате телеграфистов, я слушал громкое чтение поступающего сообщения. Длинная, узкая теле-

графная лента извивалась змеей, с легким шелестом опускаясь на пол. Правда, содержание телеграммы не во всем отвечало моему настроению, носило кое-где необъективный характер, но оно давало представление о ходе событий и обстановке. Сообщалось, что Керенский собирает казачьи части с Северного фронта под командой генерала Краснова. Они продвигались и направлялись в обход нашей железнодорожной ветки, через Лугу на Петроград. Керенский посыпал один за другим призывы и приказы своим приверженцам о посылке немедленной помощи.

Полученное сообщение охватило меня большой тревогой. Было чего опасаться. В Новгороде находились два боевых батальона «ударников», приверженцев Временного правительства. Обе эти контрреволюционные части были настроены вызывающе враждебно в отношении нас. Телеграф грозно сообщал приказ Керенского командиру офицерского батальона Николаеву немедленно двинуться в Гатчину на помощь казачьим частям.

Не мешкая ни минуты, я побежал в губком и, несмотря на поздний час, мне удалось собрать нескольких близких товарищей и сообщить им о нависшей над нами угрозе. В тот памятный вечер у нас возникло твердое решение оказать вооруженное сопротивление выступлению «ударников».

Утром мы вступили в переговоры с левыми эсерами и социал-демократами-интернационалистами. 29 октября ночью по нашему требованию в Совете было созвано военное совещание с представителями полковых и батальонных комитетов, на которое пригласили и командиров воинских частей гарнизона.

На этом совещании белогвардейский офицер Николаев после оглашения перехваченной телеграммы Керенского, категорически заявил о своем безусловном намерении на следующий день вывести батальон на поддержку Керенского. Второй ударный батальон командира Сидоренко, однако, не решился открыто выступить против нас, зная настроение остальных войск гарнизона, и занял выжидательную нейтральную позицию. В городе создалось опасное положение. Пришлось, не медля ни минуты, вновь разослать представителей губкома по полкам. К утру все наши сторонники были оповещены о возможном вооруженном столкновении с «ударниками». Особенно стойко держались кавалеристы из села Кречевицы.

Утром 30 октября Совет вновь созвал представителей полков и частей гарнизона. Решительно настроенные большевистские части, по нашему предложению, приняли решение не останавливаться перед применением силы, никого из вооруженных «ударников» не выпускать из Новгорода. Сложившаяся обстановка неминуемо вела к вооруженному столкновению с белогвардейцами. Но к этому времени Викжель¹ начал проводить политику

¹ Викжель — Всероссийский исполнительный комитет профсоюза железнодорожников, состоявший в большинстве из меньшевиков, проявил колебания и выступил против революции. Прим. автора.

нейтралитета, отказываясь перевозить по железным дорогам как наши вооруженные силы, так и силы противника. Кроме того, побывав в депо, мы разъяснили железнодорожникам, к каким тяжелым последствиям может привести выступление «ударников». Принятые меры оказали свое действие: офицерский батальон не мог получить подвижного состава для погрузки. Приказ Керенского «ударникам» о выступлении в Гатчину не был выполнен. Понимая состояние настороженности и враждебности гарнизона, командир контрреволюционного батальона предпринял меры для своей охраны. Вокруг казарм им было выставлено сторожевое оцепление и пулеметы. Все же офицеры батальона сами не решались начать боевые действия против войск революционного гарнизона и пойти в открытое наступление. Революционные силы гарнизона во много раз численно превосходили ударные батальоны. Вскоре, осознав свою беспомощность, окруженные со всех сторон враждебно настроенными солдатами, офицеры-«ударники» разбежались из казарм и скрылись в укромных уголках в ожидании удобного случая для вооруженного выступления.

Этим был закончен только небольшой эпизод начала борьбы. В этот момент мы не собрали еще необходимых сил для того, чтобы вступить в решительный бой. Предстояли трудные дни осуществления разгрома контрреволюционных сил в Новгороде.

После возвращения Валентинова со съезда¹ и обсуждения в губкоме создавшегося положения, я получил разрешение срочно выехать в Петроград. Нужно было информировать о наших делах и получить необходимые указания, как действовать.

В давке и тесноте, в вагоне с разбитыми стеклами, ночью, среди самой разнообразной публики — спекулянтов и дезертиров, бежавших с фронта, ехал я в Петроград — к сердцу и мозгу социалистической революции. Сразу с вокзала я направился в Военно-революционный комитет. В Смольном я разыскал товарищей Подвойского и Антонова-Овсеенко и подробно рассказал им об обстановке в Новгороде. После непродолжительной беседы они порекомендовали немедля приступить к организации в Новгороде Военно-революционного комитета, на который следовало возложить оперативное руководство военными действиями и силами наших сторонников в гарнизоне.

Тут же, в Смольном, пробираясь по длинным коридорам между вооруженными солдатами и матросами, я неожиданно столкнулся с моим братом Семеном, которого Октябрьская революция освободила из тюрьмы, куда он попал в июле по приказу Временного правительства. Все дни Октября Семен проводил в напряженной борьбе, руководя боевыми действиями на фронтах против Керенского. Я его встретил несколько утомленным, но, как всегда, полным энергии и воинственного задора. Занятый

¹ Имеется в виду II Всероссийский съезд Советов. Ред.

срочными делами, он не мог уделить мне времени для беседы. Однако, обрадованный неожиданной встречей после продолжительной разлуки, я неотступно сопровождал его, едва успевая рассказать о пережитом и заинтересовавших его делах в Новгороде. Семен предложил мне выехать с ним на фронт в Гатчину. Безуспешно закончив поиски бесславно скрывшегося главы бывшего Временного правительства, в тот же день мы возвратились в Петроград. На прощание Семен, с которым я поделился волнующими меня вопросами новгородской обстановки, рекомендовал немедленно возвращаться обратно.

Это была моя последняя встреча с братом. Вскоре его жизнь трагически оборвалась при выполнении ответственного политического поручения, имевшего большое государственное значение. 17(30) ноября 1917 года С. Рошаль был назначен ЦК нашей партии комиссаром Советского правительства на Румынском фронте. Ему предстояло осуществить решение партии и привести войска и командование этого фронта к повиновению Советской власти. Нужно было обеспечить декрет II съезда Советов о мире. Но ему была подготовлена ловушка белогвардейским офицерством. Он был предательски захвачен и зверски растерзан.

Вечером я втиснулся в изрядно потрепанный вагон. Отъезжали преимущественно солдаты. Вагон был переполнен, присесть было негде. Пришлось устроиться на корточках на полу в коридоре и так просидеть несколько утомительных часов. С вокзала я направился в комитет. Валентинов спал за столом. Подняв его, я рассказал обо всем виденном и поделился впечатлениями о своей поездке.

Контрреволюционные силы Керенского, наступавшие на Петербург, рассеяны и обезврежены, восстание юнкеров подавлено. Однако силы контрреволюции не дремлют и все еще продолжают борьбу, спешно организуясь вокруг своих нелегальных центров. Наше партийное руководство занято окончательным формированием правительства и привлечением сил, отражающих настроения некоторой части крестьянства. Вероятно, левые эсеры войдут в Советское правительство. Такова была моя краткая информация о поездке.

Наша новгородская действительность за эти несколько дней несколько не изменилась. Обстановка по-прежнему была накалена до последней степени. Враждебные революции силы вели себя беззастенчиво и нагло и деятельно готовили нам войну. Ими руководили эмиссары «Комитета спасения родины и революции» Кобяков и Бильдзюкевич. Их штабами являлись: земская управа, городская дума, газета «Новгородское вече» и церковь. В безудержном страхе, беспомощно захлебываясь от неистовой злобы, метался губернский комиссар бывшего Временного правительства Булатов. На улицах города за его подписью распространялась напечатанная 25 октября 1917 года листовка- обращение к «потомкам великих новгородцев». В ней незадачливый правитель

вопрошал: «К чему же бунт? К чему гражданская война? Вы, сеющие смуту, образумьтесь! Одумайтесь!.. Все решить предоставьте Учредительному собранию!» Гнилому новгородскому мещанству это блюдо было вполне по вкусу. Оно зашевелилось и тоже решило проявить свое враждебное отношение к социалистической революции. 30 октября 1917 года общее собрание служащих города Новгорода заявило свое «величайшее негодование к насильственному захвату власти» и что при первом же вмешательстве Военно-революционного комитета «в дела и распорядок» правительственные и общественные учреждений они прекратят работу.

Наши заботы и внимание устремились в первую очередь к организации Военно-революционного комитета из представителей воинских частей. Мы стремились создать штаб революции в Новгороде, опираясь на который возможно руководить боевыми силами. В эти дни наши усилия еще не увенчались успехом. Сбравшееся в наше отсутствие на заседание губисполкома большинство приняло 31 октября постановление, объявлявшее «нейтралитет» в борьбе сил революции с контрреволюцией. В опубликованной и разосланной директиве предлагалось уездам воздержаться от смещения должностных лиц, назначенных Временным правительством, не образовывать ни военно-революционные комитеты, ни контрреволюционные «комитеты спасения родины и революции». Уездные Советы обязывались принять все меры к сохранению порядка. Несколько позже было принято и другое решение губисполкома, опубликованное 7 ноября в газете «Известия Новгородского Совета РС и КД» № 64. В нем заявлялось, что выступление хотя бы одной из частей войск, расположенных в Новгородской губернии, для оказания активной поддержки какой-либо из враждующих сторон, неминуемо поведет к гражданской войне внутри Новгородской губернии, «которую Совет не считает для себя нравственно возможным допустить». Поэтому губисполком постановил:

«1. Воспретить всем частям войск, расположенным в Новгородской губернии, исполнять приказы от кого бы они ни исходили, касающиеся их выступления на чьей бы то ни было стороне.

2. Требовать от враждующих сторон немедленно прекратить братоубийственную бойню. Не откладывая ни одного часа, приступить к разрешению конфликта мирным путем.

3. Категорически протестовать против всех зверств, которые допускаются враждебными сторонами.

4. Означенный наказ препроводить обеим враждующим сторонам в лице их руководящих органов».

Этот документ был подписан руководившими в то время левым эсером Лихачевым и социал-демократом Карманским. Мы были немедленно с ним ознакомлены и, естественно, никак не могли согласиться. В нем отчетливо проявлялась половинчатая гнилая

политика нейтралитета, от которой давно пришла пора отказаться, ибо почти никто ее не поддерживал.

Мы в губкоме были решительно настроены игнорировать провалившийся в массах исполком и помимо него — и против него — развернули широкую политическую кампанию. С такой открытой агитацией мы пошли к солдатам гарнизона. Внутри исполкома мы выдвинули требование о немедленном созыве чрезвычайного губернского общедемократического съезда.

Однако общая обстановка и неопределенное политическое состояние дел в самом Новгороде вызывали тревогу. Было получено сообщение о восстании юнкеров в Питере и о продолжающихся жестоких боях с белогвардейцами в Москве. Беспокойство вызывали и поступавшие сообщения о длительных переговорах по окончательному формированию правительства. Общего и ясного представления о том, что делается в стране, у нас не было.

Взволнованные событиями, собрались мы 4 ноября в своей небольшой комнате на узкое заседание губкома. Присутствовали семь человек. Шел разговор о наших новгородских дела. В конце заседания невольно перешли на обсуждение общего положения в стране, которое мы не могли себе представить достаточно ясно. Во всяком случае мы были настроены проявить безусловную твердость и решительность на месте, во что бы то ни стало положить конец шатаниям в исполкоме, повести жесткую линию с неустойчивыми левыми эсерами, заставить их полностью включиться в нашу общую борьбу. Кроме того, на этом заседании нами была принята ошибочная резолюция по вопросу организации Советского правительства. Мы просили Центральный Комитет скорее разрешить этот назревший вопрос.

Эта резолюция была подписана и мною как секретарем губкома партии. В тот же день меня командировали в Питер для вручения ее в ЦК. 5 ноября я уже был у Я. М. Свердлова. Стоя у окна, молча и хмуро выслушал мой доклад Яков Михайлович. На его лице и в глазах я прочел явный укор нашему легкомысленному пониманию политической обстановки и не в меру поспешному и неумелому выводу из нее. Товарищ Свердлов слушал меня очень внимательно, не перебивая, и, когда я закончил свои объяснения, взял у меня написанную от руки резолюцию, которую вновь через 39 лет я увидел в архиве ЦК партии. Она воскресила в моей памяти события тех замечательных дней и разговор с Яковом Михайловичем Свердловым.

Невозмутимо спокойный, он просто и по-товарищески мягко начал меня просвещать:

— Чем же вы там занимаетесь? Вам следует поскорее разоружить «ударников». Взять власть в свои руки. А управлять вы научитесь в процессе борьбы,— сказал он.

И, отвечая на мой безмолвный вопрос о формировании Советского правительства с участием близких тогда к нам левых эсеров, Яков Михайлович терпеливо разъяснил ошибочность

наших позиций. Смущенный и подавленный неуместностью и бес tactностью нашей резолюции в такой момент, я опустил глаза, избегая взгляда Якова Михайловича. Неожиданно для меня товарищ Свердлов ободряюще похлопал меня по плечу и, закончив нашу беседу, попрощался. Не задерживаясь дольше, я в тот же вечер выехал обратно в Новгород.

Если душой и вдохновителем всей политики партии, ее вождем являлся Владимир Ильич, то самым близким его помощником, его правой рукой, был Я. М. Свердлов. Обладая незаурядной памятью, умением учитывать конкретную обстановку, прекрасно зная лично весь костяк партии, он оперативно руководил деятельностью местных партийных организаций. Это был крупнейший политический деятель с непревзойденным организаторским талантом и наиболее близкий и доступный наш руководитель, у которого в руках концентрировались все нити управления силами партии. В период подготовки восстания мы, ее практические работники, могли получить от него необходимый совет и указания в сложной, ответственной борьбе за власть.

По приезде в губком я рассказал содержание моего разговора с Яковом Михайловичем. Мы учли в полной мере его справедливые замечания. Парторганизация продолжила начатую работу по быстрейшему созданию Военно-революционного комитета в Новгороде.

Испуганное большинство исполкома медленно поддавалось на наши требования, продолжало сопротивляться, призывая к гнилому нейтралитету. Местные «Известия Совета» обращались к воинским частям с предложением собирать митинги и выносить на них примиренческие резолюции об образовании однородного правительства из всех социалистических партий. Но митингов созвать не удалось.

Между тем мы продолжали упорно, целеустремленно вести свою линию в исполкоме, воздействуя на неустойчивых его членов через наших приверженцев в воинских частях, где наше влияние уже получило всеобщее признание.

В те дни заседания исполкома превратились в арену жестокой борьбы. От неожиданно нахлынувших событий левые эсеры и социал-демократы-интернационалисты окончательно растерялись. Для них идеалом продолжал оставаться созыв Учредительного собрания. А пока они считали необходимым создание «единого революционного демократического правительства из всех социалистических партий». Все они выступали против создания Военно-революционного комитета, считая его совершенно излишним. В панике они неистово кричали, что началось бессмысленное дикое самоуничтожение и что «правительство, созданное 2-м Всероссийским съездом Советов, не является народным правительством». Выступивший лидер левых эсеров В. Ромм дошел до того, что назвал захват власти «авантюрией». На заседании 6 ноября 1917 года мы выступили от нашей фракции с требованием

к колеблющимся выразить недоверие исполкомовскому большинству, которое тормозило разворот событий и не считалось с мнением масс. Нас поддержали присутствовавшие на заседании уполномоченные воинских частей. Представитель 175-го пехотного запасного полка (Старая Русса) заявил: «Полк, вопреки распоряжениям исполкома, будет подчиняться только ВРК». В оглашенной им резолюции полка высказывалось недоверие и порицание деятельности Новгородского исполкома. Представитель 177-го полка, в свою очередь, сообщил, что Новгородский гарнизон не будет исполнять приказаний исполкома, потому что последний не отражает мнения масс. В заключение им был поставлен резко и прямо вопрос: «Признает ли исполком власть Советов?»

Уйти от поставленных острых вопросов было невозможно. Исполкомовское большинство вынуждено было принять решение, содействовавшее дальнейшему ходу революционных событий в Новгородской губернии. На этом заседании было санкционировано создание ВРК из представителей воинских частей и было решено созвать чрезвычайный демократический съезд. Таким образом, все ключевые позиции отныне перешли в наши руки, сопротивление врагов революции было, наконец, сломлено. Мы окончательно выставили из Совета соглашателей — правых эсеров и меньшевиков, и они больше не появлялись на заседаниях. Наша партийная организация устанавливала власть диктатуры пролетариата по губернии.

М. Рошаль. События Октября в Новгороде. (Воспоминания). Новгород, 1957, с. 35—44